

...Весь день Алистер Петрович пытался отвлечься от странного разговора. Но вместо этого убеждался в том, что люди не слышат друг друга и все разговоры переводят на себя.

— Ты в порядке? — спросил его врач реанимационного отделения, и, не дожидаясь ответа, принялся подробно рассказывать о том, как хороша в постели новая медсестра.

Вечером праздновали день рождения знакомого хирурга, и жена именинника, подняв бокал, произнесла тост: "За тебя, мой дорогой, но кем бы ты был без меня!!!".

По дороге домой он встретил двух девушек и услышал вопрос-ответ одной из них:

— Как твой жених? А мой — цветы и конфеты принес...

В это время пожилая женщина, поднимаясь по лестнице, споткнулась на ступеньке и сломала каблук. Рассматривая поломку, она громко спросила сама себя:

— Я тебя предупреждала, что надо ставить новые набойки?

— Он требует, чтобы отчет был готов завтра... Я что, робот? Нет у меня времени и сил! — услышал врач громкое бормотание проходящего мимо мужчины.

Алистер Петрович остановился, внимательно разглядывая лица прохожих. То, что он увидел, потрясло его: глубокое одиночество, заикленность на своих проблемах и бесконечные разговоры с собой и о себе...

— Господи! — произнес психиатр в сильном волнении. — Мы все — пациенты планеты Земля.

— Интересно, кто вас всех лечить будет? — басовито и с издевкой спросил врача... его внутренний голос.

Шкаф Неевклида, или Косячок для бабушки

О, дон Хуан!

О, донна Анна!

О, дочь их пылкая,

Мари Ху Ана!

— Всё начиналось в розовом шкафу.

— Что начиналось?

— Всё!

Я подошла, я дверь полуприкрыла. Чтобы не глючило. Но тут же вновь открыла: сияло солнце; древо зеленело; Адамо с Ево в том шкафу сидело.

— Бабушка, — сказал внук, — когда ты куришь сигарету "Vog", ты носом шмыгаешь, что, это аллергия?

Ловко внук сдвигал папиросную гильзу "Сальве", сухой рыжей невзрачностью трамбовал, говорил о свободе:

— А чужою она не бывает!

Я затянулась лишь четыре раза. И косячок вдруг сразу прекратился. Вошел весь целиком и растворился. И это было да, смешно и ново!

— О, авиолла, — голос неземной пел надо мной, — о, миа авиолла!

...Во все глаза глядел внучок

на мой погасший косячок...

А из гардероба выглянуло что?

Что! Ничего.

Чашки и чайники.

Угол из кухонного угла вмиг выдвинул себя гипотенузой, хотевшей катет, но — не совпадало с — слева прямоугольник в плоскость перешел, прошив насквозь.

Настало хорошо!

— Не обормоть! — прикрикнула на внука. — Башибузуку! Отдай башибузуку!

Очень смешно. Ресницы щекотали. Струились по диаметру щеки, стихая, смехи.

Чая, да покрепче! Побольше сахара! Две! Три! Нет, ложек шесть!

В движениях руки подмножества клубились. И множились. И квадратура круга свершалась.

Так я корень извлекла! И плоскости разъялись.

Хотела встать, пойти умыться (от удивления и смеха тушь струится)...
Глаза! Щипало! Встать я не умела. Мне нужно стало, чтобы отвернулся.
Внук отвернулся, но меня шатало.

Он оглянулся — вдруг я как река, по тыльной стороне моей ладони, си-
нея жилкою... стекла...

Внук посмотрел, я вновь остолбенела.

Напрасно крылья махаона росли вдоль рек, я не смогла ни шагу ступить,
пока он иглами входил в мое движенье, и пришивал к пространству,
превращая в яйцо крутое.

Сквозь меня ходили, пересекались параллели, окружности, цилиндр
на Лобачевском, и нити золотые бенгалили по абрису яйца, и гасли, опа-
дая на линолеум огни аэропортов неземных.

Жизнь поняла! И тотчас улетела.

При перегрузках хохотала.

Колбасило всерьез.

— Верни домой! — вдруг заявила внуку.

Он произнес:

— Прибой. Не попадешь. Дождит за горизонтом!

Окружена светящимся нейлоном трех плоскостей, спиралей турбу-
лентных, я втягивалась червяком дороги, надевалась чулком безмерным
на ногу пространства, я продвигалась, но совсем не к дому.

Жила внутри — без глаз, без рук, без тела, в том розовом шкафу висе-
ла шпага, и платье на плечиках висело...

...(Не долго я на небеса летела!

И донной Мирабеллою была)...

О, дон Хуан!

О, донна Анна!

О, дочь их пылкая,

Мари Ху Ана!

— Я не боялась дождевых червей!

Остывшее яйцо моих видений я жарила на медленном огне! Горела си-
ним пламенем и знала — не стану вновь нанизывать пространство на пло-
скость лба! На радиус ребра! На клетку всех равновеликих вдохов!

И, Неевклида не призвав на помощь, я тихо, крадучись, спешила дом
покинуть, где папирота "Сальве" отдымила.

Все кончилось. Меня настиг рассвет: и Лобачевский ножку не подста-
вил, и Неевклид не выключил мне свет!

...Я вошла в улицу, словно в дождевого червя, и он сокращался, про-
двигая меня от начала к концу.

Когда я вышла, сквозь пройдя, оказалась продвинутой до входа в из-
мерение иное. Задумалась.

И в дверь не постучала.

И дверь не открыли для меня.

...Так завершаются неверные начала

"Есть и еще пустое, творимое на земле..."

Провожая зарю.

— Хэвэл хавалим, — говорю.

Говорю:

Униженная любовь, уже не любовь, а память. Хэвэл — дуновение вет-
ра. Бессмысленное ничто. Пустое время — так память превращает суетой
наполненное в пустейшее вещество.

— Хэвэл хавалим — говорю.

Встречаю зарю. Солнце в зените.

— Помилуй, Иисус, сын Давидов, — истину говорю! — Любила. Опять
люблю.

Кохэлэт, Кохэлэт мне имя: проповедующая тебе.

Срок есть всему. Есть срок! Время смеяться и сеять. Время рыданий
и плясок, и избегать объятий: хэвэл хавалим.

Пою:

Тщета ли... руах! — Всё ветер. Всё Дух. Понимаешь меня? "Дух Божий
вital над водою". — Ветер веял над Мертвым морем. Хэвэл хавалим! —

Повторю:

— Ветер свеж над живой водою.

Порой говорят: "Это новое" — Не насытятся, глядя, глаз.

— Навшй либи — мое сердце. Это — я, жизнь моя, с тобою — навшй
либи, — говорю.

Хохма — инструмент для героя, то, что может разведать дела, такая иг-
ра, что учит. Учит сердце усталое — думать... Хохма — удила для ветра.
За ветром погоня! А пар — над землею — выдох, тающий легкий пар...
всё — слова.

— Всё слова, что пошло на ветер! Всё пустая тщета, да, навшй либи,
да, моя душа? Да? В жизни с точностью до наоборот, набирающий силу
поет — Лид ас нот инто темптэйшен, по верному пути, но не в искуше-
ние — веди нас, веди... избави нас от лукавого!

Леги Нуриева

Загорелся зеленый свет, и машины двинулись по Коламбус-серкл. Справа от потока машин на велосипеде катил Юра. За спиной у него была приторочена папка с прекрасными балетными литографиями. Стоял май, и погода была замечательная. Солнце уже припекало, но в каменных джунглях Манхеттена, в тени зеркальных небоскребов еще держалась прохлада. Ветра почти не было, а запах от работы тысяч двигателей практически не ощущался.

Юра не переставал этому удивляться. Окруженный со всех сторон водой Манхеттен потрясал. Конечно, надо признать, что запахи имелись. Острые и пряные ароматы карибской кухни, дымки от пекущихся претцелей, этого витого подобия бубликов, приторно сладкие орешки и кофе в тележках на перекрестках. Большим минусом было желание есть без остановки, неважно что, лишь бы жевать.

Наконец, удушающие сизые ленты, вьющиеся вокруг благовонных палочек, которые продавали негры в ярких африканских шапочках и серых парусиновых балахонах. Обычно они сидели у небольших столиков, заставленных флакончиками масел-духов и пучками лучинок. Эти тлеющие лучинки источали тяжелый приторный запах. Продавцы-негры мутноватыми обкуренными глазами смотрели на проходящих. Юра невольно ускорял шаг, так как дыхание у него сбивалось, и он начинал задыхаться, как будто в легкие вату натолкали. Африка, видимо, как и Восток, была тоже делом тонким.

А вот запаха бензина почти не было. И даже не в ветре дело, хотя обычно Манхеттен продувался насквозь с океана или с Гудзона. Просто машины были чистые. Он уже знал, что каждый год специальная инспекция проверяла выхлопы, да и бензин был без свинца. Вот тебе и мир чистогана, размышлял Юра. Ведь проще изготавливать обычный бензин, хоть и смердит, но дешевле. Ан нет, что-то здесь было не то. Поэтому он уже не удивлялся, видя бегущих вдоль тротуаров людей. А уж когда ветер приносил солоновато-терпкий запах океана, почти такой же, как запах моря в Одессе... Юра закрывал глаза и представлял, как он гуляет в Отраде или поздней осенью на Фонтане. Акаций вот только бы побольше.

Он медленно катил вокруг колонны с Колумбом. У входа в Центральный парк сияли свежей позолотой статуи. Где-то здесь, вспомнил Юра, любимый советским народом обозреватель Зорин снимал за пять долла-

Обучивший тебя... Царь Царей — повторял ли тебе это имя: Ше'ол, Песнь Пёсней поющая.

Мэл'эх, — я Ше'ол, я обитель мертвых! Снова ты позабыл меня, потому что не помнят первых! Но и это уже бывало — чередой подмен попирая... Речи все, все дела — суета...

Навшй, жизнь моя, навшй — душа! Это я, просто я говорю тебе:

— Утомляет жизнь. Что случилось, опять повторится. Наступает время молчать. Шиддà вэшиддòт — как темно мне! Полны твои сундуки, и наложницы твои в ожидании — они были звучащей музыкой, они стали ха-олам ха-зэ — и ты стал ими всеми в итоге — сундуки, и наложницы, и мелодии, и ты сам — хэв'эл хав'эл'им! Но — любил ведь? И — был любим?

Век наш нынешний, век грядущий, что нашел ты в сердце моем? Ха олам, это целая вечность, поцелуй, обернувшийся сыном, — что сокрыл Боже в сердце открытом? Что вложил Боже в сердце твое?

...А злодей — он, счастлив, не будет. Он лишь тень, и исчезнет под вечер, или, если солнце в зените, станет праведным, и — исчезнет! Дуновение любви — хэв'эл хав'эл'им, время всякому делу под небом. И не знаешь, что ждешь, что будет.

Будет погоня за ветром. Если посеешь бурю. Будешь следить за ветром. Будешь себя любить.

Ха-олам ха-бà — грядущее за спиной: время торопить время, время вернется вспять. Время придет говорить.

Посмотри на меня внимательно — я Ше'ол, я обитель мертвых. Бытие душ в Ше'оле призрачно, то ли есть они, то ли нет...

Только — всё суета сует. Говорю — хэв'эл хав'эл'им!

...И ты помнишь, что был любим...

Использованы: переводы с древнееврейского и комментарии Андрея Графова из: "Книга Проповедника" (Экклезиаст). 3:1-8.

кохэлэт — выступающий в собрании;

хэв'эл — дуновение ветра, бессмысленное, ничто;

хэв'эл — суета (в церковнославянском);

хэв'эл хав'эл'им — суета сует; пустое из пустого;

руах — дух, дуновение, ветер;

хохма — мудрость, инструмент познания;

шидда вэшиддот — много наложниц, сундук (с сокровищами), музыкальные инструменты;

олам — век, вечность, мир, вселенная, космос;

ха-олам ха-зэ — век, мир (настоящее время);

ха-олам ха-ба — век, мир (будущее время);

ше'ол — нижний мир; обитель мертвых (не ад);

мэл'эх — царь.

Лид ас нот инто темптэйшен — по верному пути, но не в искушение, (англ.) — *Lead us, not into temptation.*